

6. Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство / В. Е. Постников. — М., 1891. — XXXII + 392 с.
7. Джерела з історії Південної України // Мемуари та щоденники. — Запоріжжя : РА Тандем — У, 2005. — Ч. I. — Т. 5. — Кн. 1. — 427 с.
8. Пономарев А. П. Развитие семьи и брачно-семейных отношений на Украине / А. П. Пономарев. — К. : Наукова думка, 1989. — 207 с.
9. Наулко В. І. Культура та побут населення України / В. І. Наулко. — К. : Либідь, 1993. — 284 с.
10. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. — М. : РОССПЭН, 2008. — 679 с.
11. Джерела з історії Південної України // Мемуари та щоденники. — Запоріжжя : РА Тандем — У, 2006. — Ч. II. — Т. 9. — 632 с.
12. Борисенко В. К. Весільні звичаї та обряди на Україні: (Історико-етнографічне дослідження) / В. К. Борисенко. — К. : Вища школа, 1988. — 188 с.
13. Столыпін Д. А. Право на землю / Д. А. Столыпін. — М. : Тип-я А. Гатцука, 1874. — 18 с.
14. Джерела з історії Південної України // Мемуари та щоденники. — Запоріжжя : РА Тандем — У, 2005. — Ч. I. — Т. 5. — Кн. 2. — 516 с.

Приймак О. Н.

Социальная повседневность южноукраинской крестьянской семьи периода рыночно-капиталистической трансформации

В публикации раскрыты вопросы эволюции форм крестьянской семьи Южного Степного района в конце XIX — начале XX вв. Проанализированы факторы влияющие на изменения статусов и ролей в этой малой социальной группе. Особое внимание уделено эволюции в иерархии функций крестьянской семьи, которая происходила под влиянием капитализации и целерационализации сельской жизни.

Priymak O. N.

The Social daily occurrence of southukrainian peasant family of period of market-capitalist transformation

In a publication open questions of evolution of forms peasant family of the South Steppe district in the end XIX — beginning of XX ages. It includes analysis same factors of changes in statuses and roles in this small social group. The special attention is spared to the evolution in the hierarchy of functions of peasant family which took place under influence of capitalization of rural life.

Кравец Ю. П.

**МАХНОВСКИЙ КОМАНДИР ПАНТЕЛЕЙМОН
КАРЕТНИКОВ И ЕГО СУДЬБА**

Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной истории крестьянского повстанческого движения на Украине под руководством Н. Махно, биографии его участников до сих пор не привлекли должного внимания исследователей. За последние двадцать лет увидели свет всего лишь несколько статей, специально посвященных отдельным махновцам [1; 2; 3; 4], а также ряд книг, в которых предпринимались попытки более-менее подробно рассказать не только о ближайшем окружении Н. Махно, но и о некоторых других участниках махновского движения [5; 6; 7; 8; 9]. К сожалению, большинство из указанных работ отличает повторение уже известных фактов, а также ориентация авторов на определенный круг лиц.

Достаточно известными фигурами среди махновцев были братья Каретниковы (Каретники), которых Н. Махно называл в числе организаторов и главных руководителей махновского повстанческого движения [10, с. 48]. О жизни и деятельности старшего из братьев — Семена Никитовича Каретникова (1893 — 1920 гг.), который являлся личным другом и ближайшим помощником Махно, известно достаточно много. Сведения о нем, хотя и не всегда точные, приводятся в книге П. Аршинова [11, с. 221], брошюре «Гонения на анархизм в Советской России» [12, с. 30] и основанном на воспоминаниях В. Белаша «историческом повествовании» «Дороги Нестора Махно» [13, с. 581]. В то же время, о его младшем брате Пантелеймоне Никитовиче Каретникове практически неизвестно ничего. Сообщаемая о нем, в литературе информация крайне скудна и ограничивается, как правило, малозначительными цитатами из показаний арестованного в декабре 1937 г. В. Белаша, упоминаниями о привлечении П. Каретникова в качестве свидетеля по уголовному делу Л. Зиньковского в 1938 г., что не соответствует действительности. А также вымышленными рассказами о поисках украинскими чекистами казны атамана Григорьева по показаниям Каретникова, который якобы прибыл из-за границы в середине 1920-х гг. [6, сс. 100 — 101; 8, сс. 153 — 154; 14, с. 387]. При этом судьба П. Каретникова после 1921 г. для большинства авторов вообще остается полной загадкой. Отсутствуют сведения о нем и в недавно вышедшем справочнике «Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине (1917-й — начало 1920-х годов)» [15].

Между тем Пантелеймон Каретников сыграл достаточно заметную роль в истории махновского движения. Газета «Красное Запорожье» в декабре 1926 г. писала о нем: «Ближайший сотрудник оперативного центра махновских сил, почти непрерывно находившийся вблизи самого батьки Махно, он являлся фактически одним из главных «полководцев» ядра махновских отрядов. ... Пантелеймон Каретников занимал в махновских бандах самые ответственные посты — от батальонного командира до командира пулеметного полка. Одно время он был старшим команды при оперативном полевом штабе батьки Махно» [16].

В предлагаемой статье, на основе архивных документов, периодической печати, воспоминаний современников и опубликованных материалов раскрывается биография Пантелеймона Каретникова.

Пантелеймон Никитович Каретников родился 27 июля (8 августа) 1898 г. в д. Марфополе* Гуляйпольской волости Александровского уезда Екатеринославской губернии в семье государственного крестьянина, который на то время отбывал воинскую службу в царской армии. В сохранившейся до наших дней метрической записи о рождении Пантелеймона о родителях сообщается следующее: «Деревни Марфополе солдат Никита Евфимиев Каретник и законная жена его Марина Иоаннова; православные» [17, д. 469, л. 287 об.].

Обучение в сельской школе для Пантелеймона Каретникова закончилось довольно быстро, поскольку семья была большая и требовались лишние рабочие руки, чтобы ее обеспечивать. Отучившись всего лишь один год, он оставил учебу и с восьми лет «принужден был пойти в пастухи летом, а зимой охранять помещичью солому от повреждений животных и птиц» [18, д. 423, л. 65]. В течение последующих десяти лет П. Каретников, как и его отец, был батраком у помещиков, а с 1916 по февраль 1917 г. — молотобойцем на заводе «Богатырь» в Гуляйполе.

Весной 1917 г. П. Каретников был призван на военную службу. Сначала его зачислили рядовым в 44-й запасной батальон в Херсоне, а затем, уже в ноябре 1917 г., направили на фронт в составе 221-го пехотного Рославльского полка 56-й дивизии. Следует отметить, что во время прохождения службы в армии П. Каретников получил не только военную подготовку и соответствующие знания, но и, по его же собственным словам, «подучился грамоте». Там же в армии он стал интересоваться политикой, не причисляя себя, однако, ни к одной из политических партий.

События конца 1917 — начала 1918 гг. положили конец существованию старой русской армии, и Каретников вернулся домой. Произошло это уже в период оккупации Украины немецкими и австрийскими войсками. В июне 1918 г. в имени Нейфельда он был арестован и едва не казнен австрийцами за то, что его брат Семен служил в Красной гвардии и у Махно. В тот же день П. Каретникову удалось бежать, и в течение нескольких месяцев после этого он скрывался вместе с возвратившимся на родину братом [19, д. № 6865, л. 89].

В июле 1918 г. из России в Александровский уезд нелегально возвратился Н. Махно. К сентябрю 1918 г. он установил связь с находившимися на свободе членами Гуляйпольской крестьянской группы анархистов-коммунистов, в том числе с Семеном Каретниковым, и начал активную подготовку вооруженного восстания против оккупантов и гетманской администрации. А. Чубенко, бывший участник махновского движения и одно время личный адъютант Н. Махно, упоминает Пантелеймона Каретникова среди участников нелегального собрания, которое состоялось в Гуляйполе, и на котором рассматривались вопросы организации активных повстанческих действий [20, с. 734]. Однако, сам П. Каретников неоднократно утверждал, что присоединился к Махно только в д. Марфополе, когда тот прибыл туда, уже имея небольшую вооруженную группу: «В сентябре месяце приехал Махно с 5 всадниками и двумя тачанками с пулеметами. В это время я вступил в ряды Махно».

О начале повстанческой деятельности группы Махно, которая по выходу из д. Марфополь насчитывала всего 9 человек**, П. Каретников позднее рассказывал: «У дер[евни] Марфополе убили 3 [-х] австрийцев и одного вартового,

2 [-х] австрийцев и голову державной варты Гуляйпольской волости, которого расстреляли, а 2 австрийца освободили с письмом, которое содержало воззвание к австрийским войскам, чтобы или уходили, или вступали в повстанческие отряды. После этого мы направились к Туркеновке, где скрывались около 2 — 3 недель. В скором времени после этого соединились со Щусем, у которого был отряд человек 25» [19, д. № 6865, лл. 89 — 89 об.].

Приблизительно в двадцатых числах ноября 1918 г. у станции Новогупаловка, при движении к Гуляйполю, отряд Махно столкнулся с поездом противника. Получив приказ остановить этот поезд на подходе к станции, чтобы обеспечить безопасный переход отряда через линию железной дороги, П. Каретников, возглавлявший на то время группу конных разведчиков, не рассчитав сил и не приняв мер предосторожности, попал со своими людьми под ураганный пулеметный и ружейный огонь противника. В результате группа понесла значительные потери, а сам Каретников был тяжело ранен в руку. Описание этого неудачного для повстанцев боевого столкновения оставил в своих воспоминаниях Н. Махно, который в связи с этим писал: «Такая опрометчивость, главным образом моя и младшего Каретника ... глубоко запечатлелась в памяти у меня, и у самого Каретника, с раздробленной левой рукой ... Потеря в один день лучших конных разведчиков, преданнейших борцов за народное дело, дни и ночи, и долгое время, мучили меня» [21, с. 154]. Лишь благодаря вовремя принятым мерам и неотложной медицинской помощи, оказанной хирургом из с. Михайловки-Лукашево, руку Каретникову удалось спасти.

Ранение вывело П. Каретникова из строя на длительное время. После перенесенной операции он около четырех с половиной месяцев лечился в Гуляйполе и не принимал никакого участия в повстанческом движении. Лишь весной 1919 г. он возвратился к активной деятельности и его временно назначили помощником командира батальона, который в то время формировался в Гуляйполе. Командиром этого батальона был Семен Каретников.

В начале июня 1919 г. П. Каретников исполнял обязанности старшины при оперативном повстанческом штабе. После объявления махновщины вне закона он некоторое время находился в отряде Махно, но потом заболел тифом. Это не позволило ему принять участие в последовавших событиях, и, оставшись на занятой белыми территории, он в течение нескольких месяцев скрывался по различным хуторам Александровского уезда, «частично налетая и обезоруживая белых» [19, д. № 6865, л. 328 об.].

В октябре 1919 г. в районе Синельниково П. Каретников присоединился к махновской армии и был зачислен пулеметчиком в 24-й Терновский пехотный полк. После ранения в ногу во время боев у Гуляйполя и непродолжительного лечения, его утвердили помощником командира того же полка.

5 января 1920 г., по вступлению махновских войск в Александровск, П. Каретников был назначен помощником коменданта города, но из-за болезни тифом к исполнению обязанностей так и не приступил [19, д. № 6865, л. 89 об.]. Заменить его на этой должности пришлось Семену Каретникову, который тогда исполнял обязанности командира 2-го Азовского корпуса вместо заболевшего Т. Вдовиченко. Спустя несколько дней постановлением Всеукраинского революционного комитета Махно «со своей группой» были объявлены вне закона и Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) перестала существовать. П. Каретников был вывезен в Гуляйполе и после того, как отряд Махно

* Ныне — с. Марфополь Гуляйпольского района Запорожской области.

** По свидетельству П. Каретникова, в группу входили: Н. Махно, А. Марченко, И. Лютый, З. Рябцев, Ф. Рябко, С. и П. Каретниковы, Г. Троян и некий Аким (фамилия не установлена).

начал открытую вооруженную борьбу против Советской власти, принял в ней активное участие. С весны и по конец сентября 1920 г. Каретников, возглавляя пулеметную команду, участвовал практически во всех боях, которые махновцы вели с частями Красной армии, ВОХР и ЧК. Приходилось ему, по собственному признанию, участвовать и в расстрелах взятых в плен коммунистов и красноармейцев, хотя он и подчеркивал, что расправами чаще всего занималась кавалерия [7, сс. 184 — 187].

Вершиной военной карьеры П. Каретникова в повстанческой армии стало командование пулеметным полком. К сожалению, из имеющихся документов и материалов не совсем ясно, когда именно состоялось это назначение, и как долго он занимал эту должность. Дело в том, что даже сам Каретников, неоднократно заявляя о командовании пулеметным полком, путался в сообщаемых датах. Так, например, в протоколе его допроса от 25 мая 1925 г. значится: «С начала 192[1] года по август 1921 г. состоял в должности командира пулеметного полка» [19, д. № 6865, л. 89 об.]. Однако это утверждение вызывает определенные сомнения, поскольку противоречит другим известным данным [22, д. 364, л. 139]. Существенное уточнение содержит протокол судебного заседания Чрезвычайной сессии Запорожского окружного суда по уголовному отделу от 27 ноября 1927 г., на котором П. Каретников заявил: «Когда наступали на Врангеля, на Сиваш, я командовал пулеметным полком» [19, д. № 6865, л. 328 об.]. Исходя из этого, можно полагать, что П. Каретников вступил в командование пулеметным полком после того, как его командир Ф. Кожин «был в первом же бою выведен из строя тяжелыми ранениями» [11, с. 175]. Произошло это ночью 9 ноября 1920 г. при форсировании Сиваша, а уже днем пулеметный полк под командованием П. Каретникова блестяще проявил себя в бою с конным корпусом генерала И. Барбовича. Командующий 6-й армией А. Корк, в оперативном подчинении которого в то время находились махновцы, спустя год вспоминал: «Около 15 час[ов] на перешейке между Сивашем и Безымянным озером перешла в наступление конница Барбовича, 15 дивизия левым флангом стала отходить. Тут оказал поддержку отряд [С.] Каретника, который быстро развернулся и встретил конницу противника убийственным пулеметным огнем. Конница Барбовича бросилась назад. Благодаря помощи, оказанной отрядом [С.] Каретника (пулеметным полком), левый фланг 15-й дивизии был быстро приведен в порядок» [23, с. 447].

Вскоре после победы над Врангелем началась ликвидация махновщины. В ответ на предложение сдать оружие, «отряд Каретникова», командование над которым принял А. Марченко, ночью 27 ноября 1920 г. снялся с занимаемых им позиций на берегу Черного моря и, пробившись через расположение 7-й кавалерийской дивизии, с боями стал продвигаться на север. 29 ноября 1920 г. махновцы, зная армейский пропуск, под видом 46-й дивизии прошли через расположение 6-й армии и направились в северо-восточном направлении. Встреченный 1 декабря 1920 г. частями 1-й Конной армии отряд после упорных боев, понеся значительные потери, двумя небольшими группами прорвался через железную дорогу в одной версте севернее станции Федоровка [20, сс. 581 — 582]. По словам П. Каретникова, в его полку из 300 человек при 100 пулеметах после боев с буденовцами в тот день осталось «человек 100 и 5 пулеметов» [19, д. № 6865, л. 89 об.]. Из двух прорвавшихся групп одна была уничтожена красными, а вторая, в которой находился сам Каретников, продолжала продвигаться далее с целью соединения с основными силами Махно.

О последующих событиях П. Каретников позднее рассказывал следующее: «Через неделю в селе Керменчик* Гришинского района мы нашли Махно. У него было в то время человек 400 и 22 пулемета и три орудия. Двинулись на Бердянск, заняли его, пробыли [в нем] часа два и отправились в Новоспасовку. Потом пошли в Херсонскую губ[ернию], прошли в Киевскую, где под Белой Церковью принимали бой со 2 [-й] конной армией. Переправились через Днепр и направились в Полтавскую губернию, откуда направились в Курскую губернию ... Из Курской губернии с боями пробрались за 13 дней в село Туркеновку Гуляйпольского района. Оттуда прошли через Дибривку в Гавриловку, где соединились с Маслаком ... Маслаков отделился [и] пошел на Кубань, а Махно оперировал на Украине. Потом под давлением советских войск [Махно] направились на Кубань при 150 бойцах. Когда вошли в Донскую область, я отстал в августе 1921 года ввиду того, что армия Махно разваливалась и я не решился идти за границу» [19, д. № 6865, л. 89 об.]. Более подробно об обстоятельствах своего ухода из отряда Махно Каретников сообщил 27 ноября 1926 г. во время заседания Чрезвычайной сессии Запорожского окружного суда по его делу: «Отстал я от повстанческой армии в Донской губернии на Осиновой балке, где было главным нашим командованием объявлено об уходе за границу под желто-блакитным флагом. Я с некоторыми другими, не желая идти за границу под желто-блакитным флагом, остался на Украине» [19, д. № 6865, лл. 328 — 328 об.].

Вместе с женой и командиром взвода пулеметной команды Михаилом Кравченко Каретников направились сначала в Юзовку, а оттуда — в с. Марфополь. Свой отказ сдать властям он позднее объяснял тем, что об амнистии узнал слишком поздно и к тому же «боялся существовавшей тогда ЧК».

Оказавшись в с. Марфополь, П. Каретников в сентябре 1921 г. организовал группу лиц, которые в условиях свирепствовавшего голода решили ограбить мельницу на хуторе Решетилковском Воскресенской волости. Кроме самого П. Каретникова в эту группу вошли его жена Ефросиния, брат Харитон, а также Алексей Шевченко и Исидор Сагайдак. Ночью, предварительно вооружившись револьверами и винтовками, они подъехали к мельнице и там, угрожая оружием, забрали 19 мешков зерна и 1 мешок муки. Приказав всем находившимся на мельнице не двигаться с места до утра, нападавшие уехали. Однако мельник тотчас же сообщил властям о нападении и по горячим следам была направлена погоня. На следующий день в с. Марфополь во дворе Харитона Каретникова были обнаружены мешки с зерном, винтовка, много казенной упряжи и военного обмундирования. В тот же день были задержаны участвовавшие в ограблении Шевченко и Сагайдак. Их передали в распоряжение уполномоченного по борьбе с бандитизмом и вскоре расстреляли [19, д. № 6865, л. 451 об.; 24]. В сводке Запорожской губернской ЧК о борьбе с бандитизмом на местах, по состоянию на 18 часов 24 сентября 1921 г. по Гуляйпольскому району в связи с этим отмечалось: «[В] пятом участке расстреляно 2 бандита, принимавших участие [в] ночных налетах, один из них пом[ощник] нач[альника] ОДТЧК ст[анции] Цареконстантиновки — Сагайдак, второй Шевченко» [25, д. 59, л. 88]. Каретниковым удалось скрыться.

Несмотря на то, что при поимке П. Каретникову также угрожал расстрел, он продолжал скрываться в районе Гуляйполя и даже предпринял несколько неудачных попыток завладеть золотом и ценностями, которые в разное время были оставлены махновскими командирами на хранение у населения. Лишь после этого

* В документе ошибочно указано — Кременчук.

он отправился в Юзовку, где под другим именем и фамилией устроился работать чернорабочим на шахту одного из рудников.

Интересно, что деятельность П. Каретникова осенью 1921 г. привела органы советской власти в некоторое замешательство, поскольку поначалу они даже не знали, с кем имеют дело. Так, в «Бюлетене секретно-информационного отдела СНК УССР» от 12 декабря 1921 г. приводилась информация о том, что чекистами зафиксировано появление в районе станции Пологи в ноябре — декабре 1921 г. якобы пришедшей с Кубани «банды Каретника — очевидно бывшего замкомандарма Махновской — в 70 сабель». По другим же сводкам численность банды определялась не в 70 сабель, а всего лишь в 7 [26, с. 35].

После закрытия рудника П. Каретников в конце марта 1922 г. снова возвратился в с. Марфополь. Здесь вместе со своим братом Харитоном и односельчанином Петром Балаком он организовал нападение на дом крестьянина Павла Мартыненко, у которого ранее С. Каретниковым были оставлены на хранение золотые и некоторые другие ценные вещи. Ценностей у Мартыненко не оказалось и нападавшие ограничились изъятием продуктов питания.

Можно лишь предполагать, как долго еще скрывался бы Каретников, если бы 1 апреля 1921 г. у с. Марфополь он не наткнулся на уполномоченного уголовного розыска. Последний, спасаясь от бросившегося за ним в погоню Каретникова, вбежав во двор П. Балака, попросил у него помощи. И хозяин не раздумывая, открыл огонь по преследователю из имевшегося у него оружия. В результате возникшей перестрелки П. Каретников был несколько раз ранен и, оказавшись в безвыходном положении, сдался [19, д. № 6865, л. 15 об.]. Несколько дней его продержали в Гуляйполе, а затем отправили в Запорожье в распоряжение губернского отдела ГПУ.

17 ноября 1922 г. особый народный следователь Запорожского губернского ревтрибунала, рассмотрев поступившее к нему из губотдела ГПУ дело по обвинению П. Каретникова, постановил: «Предъявить гр[ажданину] Каретникову Пантелеймону обвинение в службе у Махно и пр[очем], и избрать меру пресечения способов уклонения от суда и следствия в отношении [него] содержание под стражей в Допре № 2 со строгой изоляцией» [18, д. 406, л. 3].

В заключении в ДОПРе Каретников находился почти два месяца, после чего был освобожден под подписку о невыезде с места жительства до окончания следствия. Оказавшись на свободе, он первое время проживал в с. Марфополь, но затем перебрался в Гуляйполе, где занялся торговлей лошадьми, птицей и другим товаром.

Полной неожиданностью для Каретникова стало появление у него ночью 26 августа 1924 г. бывшего телохранителя и адъютанта батьки Махно Ивана Лепетченко в сопровождении ещё двух «махновцев» (в действительности это были сотрудники ГПУ УССР М. Спектор и И. Тепер). В беседе с непрошеными гостями выяснилось, что ими по поручению Махно разыскиваются ранее спрятанные у населения ценности, и они располагают информацией о причастности Каретникова к их изъятию в сентябре 1921 г. Под давлением фактов, он признался, что действительно забрал в Гавриловке документы и ценности. Документы, чтобы не возиться, зарыл во дворе одного из крестьян, а через пару дней его настиг отряд чекистов и милиции. В перестрелке с ними, спасая свою жизнь, он бросил все ценности на поле боя. Изъятие золота у вдовы Долгаш в с. Петропавловке Каретников отрицал. Лепетченко пригрозил ему мстью со стороны Махно. Тогда Каретников

принялся уговаривать гостей отойти от бандитизма и заняться мирным трудом, так как анархистская вольница, по его мнению, отошла навсегда. Опасаясь за свою жизнь, он в 6 часов утра разбудил начальника Гуляйпольской милиции и потребовал у него револьвер, заявив, что в селе появились недобитые махновцы. Данный факт впоследствии был отмечен в докладе Секретного отдела ГПУ УССР в Секретный отдел ОГПУ от 24 сентября 1924 г. как свидетельствующий о том, что бывшие махновцы в значительном количестве «от махновщины совершенно отошли» [20, с. 882].

Сохранился следующий документ, характеризующий Каретникова в период его проживания в Гуляйполе: «Приговор Гурянского общества с. Гуляйполя. 1926 года, мая 23 дня, мы нижеподписавшиеся граждане в числе 70 домохозяев Гурянской сотни села Гуляйполя того же района Запорожского округа выдали настоящий приговор гражданину Каретнику Пантелеймону Никитовичу в том, что таковой действительно проживал в Гурянской сотне села Гуляйполя с 1924 года по 1926 год включительно, т. е. два (2) года, и за все время своего проживания в нашей вышесказанной сотне вел себя честно и аккуратно, а также ни в чем предосудительном замечен не был, в чем собственноручно и подписываемся» [19, д. № 6865, л. 319].

В связи с расследованием дела об ограблении мельницы на хуторе Решитиловском в сентябре 1921 г., по постановлению народного следователя 6-го участка Запорожского округа от 25 мая 1925 г., П. Каретников был взят под стражу. И с 29 мая по 17 июня 1925 г. содержался в Запорожском окружном ДОПРе [27, д. 93, лл. 149, 168].

Наконец, 29 и 30 апреля 1926 г. Запорожский окружной суд рассмотрел дело по обвинению Пантелеймона, Харитона и Ефросинии Каретниковых, и, установив полную виновность обвиняемых, приговорил: «Каретникова Пантелеймона Никитовича и Каретникова Харитона Никитовича подвергнуть высшей мере социальной защиты — расстрелять каждого ... Каретникову Ефросинию Тихоновну подвергнуть лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 5 лет ...». Применив амнистию ВУЦИК в честь 5-й годовщины Октябрьской революции, суд заменил Пантелеймону расстрел 10-ю годами лишения свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества. Харитону, которому в момент совершения преступления было 17 лет, расстрел заменили лишением свободы сроком на 6 лет и 8 месяцев с конфискацией имущества. Ефросинии, как не опасной для общества, совершенно не грамотной и матери малолетних детей был вынесен условный приговор [18, д. 423, лл. 5 — 6; 19, д. № 6865, лл. 321 — 322]. 30 апреля 1926 г. братья Каретниковы были направлены для содержания под стражей в Запорожский окружной ДОПР.

27 ноября 1926 г. Чрезвычайная сессия Запорожского окружного суда рассмотрела «Дело № 2» по обвинению П. Каретникова, Х. Каретникова и П. Балака. Пантелеймон Каретников был признан виновным «в организации и активном участии в бандах и организуемых бандой разбойных нападениях и ограблениях, в налетах на советские учреждения и красноармейские части, в остановке поездов, сопровождаемых массовыми убийствами красноармейцев на протяжении всей борьбы батьки Махно против Советской власти», а также «в открытом с целью похищения имущества нападениях, соединенном с психическим насилием, грозящим смертью». Учитывая, что П. Каретников «почти всю гражданскую войну проводил систематически активные действия к подрыву мощи и крепости

власти трудящихся и, что Пантелеймон Каретников и после ликвидации массового Махновского бандитизма не прекращал своих преступных действий», суд приговорил его к расстрелу без применения амнистии [18, д. 423, лл. 21 – 22; 19, д. № 6865, лл. 338 – 339].

Верховный суд УССР, куда П. Каретников обжаловал приговор чрезвычайной сессии, определением от 11 декабря 1926 г., утвердил этот приговор по существу, заменив, однако, расстрел в силу ч. 2 ст. 33 УК УССР (давность) десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества и с поражением его в правах по отбытии наказания сроком на пять лет [18, д. 423, л. 54; 19, д. № 6865, л. 344; 16].

Интересно, что информация об осуждении П. Каретникова появилась не только в советской прессе, но также и в иностранных газетах. В частности, заметку об этом опубликовала на своих страницах польская газета «Dziennik Białostocki», сообщив, однако, что «с 1920 года Каретников находился в эмиграции в Польше, откуда нелегально возвратился на Украину» [28].

Определенное ему наказание П. Каретников отбывал в Запорожском окружном ДОПРе № 29. 6 февраля 1928 г. Чрезвычайная сессия при Запорожском окружном суде, «принимая во внимание, что осужденный Каретников за всё время пребывания в заключении был на работе и выполнял добросовестно все возложенные на него обязанности, что отношение его к заключенным товарищам и к администрации хорошее, что за все время заключения осужденный не подвергался ни каким взысканиям», постановила: «Заменить Каретникову Пантелеймону лишение свободы со строгой изоляцией — лишением свободы без строгой изоляции на весь оставшийся срок назначенного ему лишения свободы» [18, д. 423, л. 64]. Через неделю, 13 февраля 1928 г., П. Каретников обратился к начальнику ДОПРа с заявлением, в котором просил ходатайствовать перед соответствующими инстанциями об условно-досрочном освобождении. «Находясь под следствием, — писал он, — а также отбывая наказание... я вполне исправился ... В дальнейшем буду заниматься исключительно трудовой деятельностью и жить только своим трудом» [18, д. 423, л. 65 об.]. Возражений со стороны администрации ДОПРа не последовало и постановлением Чрезвычайной сессии при Запорожском окружном суде от 9 марта 1928 г. П. Каретников был условно-досрочно освобожден «от дальнейшего отбывания определенных ему судом мер соцзащиты» [19, д. № 6865, л. 398]. 10 марта 1928 г. он вышел на свободу, а некоторое время спустя переехал из Гуляйполя в г. Сталино, где проживала его семья — жена и двое детей.

О жизни П. Каретникова в этот период сохранилось свидетельство В. Белаша, который, будучи арестованным органами НКВД, в своих собственноручных показаниях от 26 декабря 1937 г. писал: «... я выехал в Сталино, где встретился с проживающим здесь Пантелеем Каретниковым, бывшим анархо-махновцем и командиром пулеметного полка. Мне хотелось найти связь с бывшими махновцами и анархистами Сталино. Но, по словам Каретникова, он их не знал, за исключением одного Гуляйпольского пулеметчика, фамилию которого не помню. Он тогда был на нелегальном положении, и Каретников не хотел мне его показать, мотивируя, что далеко живет. Сам Каретников, по его словам, никаких политических работ не вел и заявлял, что он стал на распутье. Он тогда торговал на базаре овощами и ничего не хотел. Это ему давало на жизнь. Через него я не мог заполучить от него там связи» [9, с. 329].

В 1930 г. по инициативе уполномоченного Одесского окружного отдела ГПУ УССР Л. Зиньковского бывший махновец Пантелеймон Каретников был привлечен к работе по линии Иностранного отдела ГПУ УССР. В этот период органы украинской советской внешней разведки вели агентурную разработку «Консул», в ходе которой в феврале 1930 г. в Румынию был выведен агент Одесского окружного отдела ГПУ «Консул» (П. Ф. Калюжный, 1897 — 1936 гг.), выступавший в качестве руководителя легендированной органами госбезопасности «нелегальной повстанческой организации» на юге Украины». В конце 1930 г. П. Каретников под псевдонимом «Андриенко» был введен в эту разработку в качестве лодочника переправочного пункта в румынском местечке Резина. В его обязанности входило: принимать с советской стороны и переправлять обратно курьеров «Консула», а также сообщать о переправах на советскую сторону агентов УНР, РОВСа и английской разведки. Позднее, в 1931 г., П. Каретников стал одним из основных курьеров «Консула» и являлся таковым вплоть до провала агента в ноябре 1935 г.

В специальной литературе по истории советских органов госбезопасности отмечается, что провал «Консула» произошел из-за неосторожных действий курьера «Андриенко» [29, с. 280]. Однако, материалами архивного дела Службы внешней разведки Украины этот факт не подтверждается [30, д. № 23 о/ф]. Известно, что 15 ноября 1935 г. «Консул» намеревался передать с «Андриенко» свой очередной доклад, написанный тайнописью. Однако перед самой переправой на советский берег курьер был подвергнут обыску, в результате которого у него был обнаружен и изъят доклад агента. Курьер переправился на советскую сторону, а «Консул» на второй день был арестован румынской контрразведкой и в 1936 г. убит.

Арестованный в начале сентября 1937 г. по подозрению в шпионской работе в пользу Румынии и в причастности к провалу ряда закордонных агентов ИНО УГБ НКВД УССР Л. Зиньковский, который обеспечивал переправу курьеров через Днестр в районе г. Резина и принимал курьеров от «Консула», на допросе 5 сентября 1937 г. в связи с этим показал: «В ноябре месяце 1935 года на участке Рыбницкого пограничного отряда НКВД я принимал за[ордонного] курьера «Андреенко» (так в документе — Ю. К.), прибывшего из Румынии от «Консула». «Андреенко» сообщил, что в момент его переброски с Рум[ынской] стороны на Сов[етский] берег, он был внезапно обыскан представителем сигуранцы на Рум[ынской] стороне и у него забраны были чистые листы (бумага, куда заворачивались деньги «Консулом» для передачи своим подставным явкам), на которых «Консул» химическим способом написал свой доклад для ИНО Одессы. При этом присутствовал «Консул» и сильно растерялся. Впоследствии, на участке Тираспольского отряда в числе других был обнаружен труп «Консула», выброшенный на берег». На вопрос следователя «Чем же Вы объясните, что румынская сигуранца выпустила на Сов[етскую] сторону «Андреенко»?», Л. Зиньковский ответил так: «Я лично полагаю, что румынская сигуранца, не будучи уверена в том, что изъятые у него листы дадут положительный для них результат, отпустила его на Сов[етскую] сторону, надеясь, что он возвратится» [31, д. 75131-ФП, т. 1, лл. 29, 30].

Понятно, что после провала «Консула» дальнейшее использование П. Каретникова по линии внешней разведки стало невозможным, и он от закордонной работы был отстранен. В 1937 г. его, работавшего в то время приемщиком овощной базы Сталинского горпищеторга, арестовали.

К сожалению, установить местонахождение в архивах уголовного дела № 766821 по обвинению П. Каретникова к настоящему времени не удалось. Ни в Отраслевом государственном архиве СБ Украины, ни в архивах управлений СБ Украины в Донецкой и Одесской областях оно на хранении не числится. По документам контрольно-надзорного дела П. Каретникова, хранящегося в Управлении СБ Украины в Донецкой области, было установлено, что 17 апреля 1957 г. уголовное дело по его обвинению для дальнейшего хранения было направлено в Москву в архивный отдел КГБ при СМ СССР. Однако, Управление регистрации и архивных фондов ФСБ России письмом от 3 февраля 2011 г. (исх. № 10/А-К-3418) сообщило, что ЦА ФСБ РФ «документальными материалами в отношении Каретникова Пантелеймона Никитовича не располагает».

Из опубликованных материалов, отражающих содержание уголовного дела в отношении П. Каретникова, известно, что он обвинялся в том, что «в период пребывания в банде Махно совместно со своим братом и Задовым (Зиньковским) учинял зверские расправы над пленными: красноармейцами, комсоставом и мирным населением. С 1930 года по 1936 год, находясь на закордонной работе совместно с Задовым (Зиньковским) по указанию последнего скрыл данные личного наблюдения в одном из соседних государств о нелегальной переправе в СССР начальника пункта разведки, последний был убит при переходе границы из СССР за границу». Кроме того, Каретников обвинялся в доставке контрабандных товаров для себя и Зиньковского [7, сс. 187 – 188].

14 ноября 1937 г. постановлением Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР за преступления, предусмотренные ст. 54-1, п. «а» УК УССР, П. Каретников был осужден и приговорен к высшей мере наказания и расстрелян [7, с. 187]. Так завершился жизненный путь одного из активных участников махновского движения.

Библиография

1. Анисимов Н. Л. Слуга анархии и порядка / Н. Л. Анисимов, В. Г. Оппоков // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2. — С. 87 — 94; № 4. — С. 82 — 84; № 10. — С. 56 — 63; 1991. — № 11. — С. 69 — 76.
2. Архірейський Д. В. Анархіст-комуніст Авраам Буданов / Д. В. Архірейський // Грані. — 2002. — № 2. — С. 33 — 36.
3. Мезенцев Б. Бессменный «адъютант», или Как ОГПУ искал клад батьки Махно / Б. Мезенцев // Донбасс. — 1992. — № 5. — С. 139 — 146.
4. Мельник В. Два життя Л. Зиньковського-Задова / В. Мельник // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. — 2003. — № 1. — С. 154 — 170.
5. Беспечный Т. А. Правда и легенды о Махно / Т. А. Беспечный, Т. Т. Букреева. — Донецк : Донеччина, 1996. — 287 с.
6. Кушніренко І. К. Нестор Махно і повстанці / І. К. Кушніренко, В. І. Жилінський. — Запоріжжя : Дніпровський металург, 2009. — 356 с.
7. Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте) / В. Оппоков. — Петрозаводск : Руди-Барс, 1994. — 288 с.
8. Сergygin S. Третій шлях: Історико-документальне видання, присвячене 110-й річниці з дня народження Н. І. Махно / С. Сergygin. — Гуляйполе, 1998. — 203 с.
9. Яруцкий Л. Д. Махно и махновцы / Л. Д. Яруцкий. — Мариуполь, 1995. — 366 с.

10. Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики (ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина») / Н. Махно. — Париж : Издание Библиотеки Махновцев, 1928. — 62 с.

11. Аршинов П. История махновского движения (1918 — 1921 гг.) / П. Аршинов. — Берлин : Издание Группы Русских Анархистов в Германии, 1923. — 258 с.

12. Гонения на анархизм в Советской России. — Берлин : Издание Группы Русских Анархистов в Германии, 1922. — 63 с.

13. Белаш А. В. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование / А. В. Белаш, В. Ф. Белаш. — К. : РВЦ Проза, 1993. — 592 с.

14. Савченко В. А. Махно / В. А. Савченко. — Харків : Фоліо, 2005. — 415 с.

15. Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине (1917-й — начало 1920-х годов) [сост. А. Капустян, В. Ткаченко]. — Запорожье, 2010. — Вып. 1. — 152 с.

16. Махновский командир Каретников // Красное Запорожье. — 1926. — 24 декабря. — № 299. — С. 4.

17. ГАЗО, ф. Р. 5593, оп. 2.

18. ГАЗО, ф. Р. 985, оп. 2.

19. Архив УИТ ГУМВД Украины в Запорожской области.

20. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918 — 1921: Документы и материалы. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 1000 с.

21. Махно Н. Украинская революция (июль — декабрь 1918 г.) / Н. Махно [под ред. т. Волина]. — Париж : Издание Комитета Н. Махно, 1937. — 181 с.

22. ГАЗО, ф. П. 337, оп. 1.

23. Корк А. И. Взятие перекопско-юшуньских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 года / А. И. Корк // Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. — М. : Воениздат, 1962. — С. 436 — 454.

24. Конец «карьеры» махновца Каретникова // Красное Запорожье. — 1926. — 6 мая. — № 101. — С. 3.

25. ГАЗО, ф. Р. 2, оп. 5.

26. Архірейський Д. В. «Даєш Махна!». З історії українського повстанства / Д. В. Архірейський, В. В. Ченцов // Історичний феномен Гуляйполя. Політична і військова діяльність Нестора Махна. Мат. наук.-теорет. конф. (Запоріжжя — Гуляйполе, 12 — 13 листопада 1998 р.). — Запоріжжя : Просвіта, 1998. — Ч. 1. — С. 31 — 39.

27. ГАЗО, ф. Р. 985, оп. 1.

28. Pomocnik atamana Machny skazany na śmierć i ułaskawiony przez sąd sowiecki // Dziennik Białostocki. — 1927. — 9 stycznia. — № 9. — S. 1.

29. История советских органов государственной безопасности. — М. : ВШ КГБ СССР, 1977. — 638 с.

30. Отраслевой государственный архив Службы внешней разведки Украины, ф. 2.

31. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины, ф. 6.

Кравець Ю. П.

Махновський командир Пантелеймон Каретников та його доля

У статті на основі широкого фактичного матеріалу висвітлюється життя та діяльність одного з відомих учасників махновського руху — П. М. Каретникова (1898 — 1937 рр.).

Kravets Yu. P.

Makhno's commander Panteleimon Karetnikov and his fate

The article is based on extensive factual material covers the life and activity of one of the prominent participants of Makhnovist movement — P. N. Karetnikov (1898 — 1937).

Ковтун Н. О.

САНІТАРНО-ЕПІДЕМІОЛОГІЧНА СИТУАЦІЯ В МІСТІ ЗАПОРІЖЖІ В КОНТЕКСТІ РОЗВИТКУ МІСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА У 1920-Х РОКАХ

Регіональна історія, краєзнавство та історія окремих населених пунктів стають все популярнішими як серед професійних істориків, так і серед аматорів. Окреме місце серед цих студій займає історія міст. Історія Запоріжжя не є винятком. Публікації таких дослідників як В. Ткаченко [1; 2; 3], О. Ігнатуша [3], Г. Турченко [3], О. Чайка [4; 5], Н. Кузьменко, Н. Михайлова [6; 7], Л. Волова, А. Чуприна [8] та ін. охоплюють як загальний розвиток міста, так і окремі аспекти його повсякденного життя. Проте, залишається ще багато відкритих питань, актуальних по сьогодні. Одне із них — санітарно-епідеміологічний стан, який є щоденною турботою лікарів і комунальних служб, без контролю над яким неможливе існування жодного міста. Зокрема, пропонуємо розглянути становлення санітарії, гігієни та боротьби з епідеміологічними захворюваннями в Запоріжжі у 1920-х роках.

Джерельна база щодо даного питання охоплює такі групи джерел: звіти губернського та окружного виконавчих комітетів рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів; архівні матеріали щодо діяльності органів місцевої влади та періодична преса. Сукупність даних джерел дозволяє розглядати санітарно-епідеміологічну ситуацію з різних аспектів. Звіти виконкомів і такі архівні матеріали як кошториси, плани, доповідні записки подають широкий статистичний матеріал і говорять мовою цифр. Пояснювальні записки, інформаційні листи і листування загалом, постанови, протоколи засідань органів виконавчої влади тощо, подають як одномоментні хронологічні зрізи, так і динаміку роботи. Періодична преса є «мірилом» і дозволяє оцінити не лише кількість, але і якість проведеної роботи, додає частку живого життя і дихає часом.

Розглядаючи санітарно-епідеміологічний стан міста необхідно враховувати дві складові: розвиток медицини та розвиток міського господарства. У Російській імперії питання санітарної медицини і статистики, боротьби з епідемічними захворюваннями були покладені на земських лікарів. У Катеринославській губернії робота у даному напрямку була однією із найплідніших у всій імперії, функціонував санітарно-бактеріологічний інститут. Проте, щорічно у Катеринославській губернії реєструвалося більше 150 тисяч випадків захворюваності на малярію, час від часу вирували епідемії дифтерії, тифу, холери, віспи, скарлатини, постійною

проблемою був туберкульоз [9, с. 106]. Міська влада із свого боку для забезпечення санітарних умов займалася питаннями благоустрою міського господарства. Проте, обсяг згаданих заходів не відповідав потребам жителів у повній мірі. Зокрема, у дореволюційному Олександрівську водогін забезпечував водою тільки центральні вулиці міста [5, с. 94].

Революція 1917 р. і громадянська війна, що йшла слідом, стала причиною руйнації народного господарства, і зокрема міського, що значним чином вплинуло на звичний хід життя мешканців Олександрівська. Всі сили санітарних лікарів були направлені на боротьбу з епідеміями, а влада не мала жодної можливості займатися благоустроєм — хоча би зберегти те, що є.

У жовтні 1920 р. Олександрівськ остаточно перейшов під більшовицький контроль. На початок 1920-х років медично-санітарною справою у Радянській Україні керував Народний комісаріат охорони здоров'я, фінансування санітарної частини проводилось із державного бюджету, а лікувальна мережа мала фінансуватися із місцевих джерел. На рівні губерній створювалися губернські санітарні відділи, які координували роботу як на селі, так і в містах. Так, у 1920 р. з'явилися надзвичайні санітарні комісії. Їх завданням стало впровадження профілактичних запобіжних заходів у боротьбі з епідеміями [9, с. 107].

15 березня 1921 р. Запорізький губвиконком прийняв рішення про перейменування Олександрівська в Запоріжжя. Разом з тим, уряд проголосив про перехід до нової економічної політики, тобто відновлення ринкових відносин. Міське господарство отримало шанс на виживання. Основним джерелом, що висвітлює санітарно-епідеміологічний стан в місті і охоплює самий початок 1920-х років, є «Звіт про діяльність Запорізького губвиконкому». Зокрема, тут знаходимо відомості про відновлення водопостачання міста. Загальна тривалість роботи за рік — всього 32 дні, причина — загальна паливна криза, або просто відсутність дров. Складні санітарно-гігієнічні умови життя стали причиною блискавичного поширення епідемій, а на майже 50 тисяч населення міста функціонувало всього 2 епідемічних загони і 1 дезінфекційний [10].

Починаючи з 1922 р. маємо більш широке коло джерел, зокрема, архівні матеріали і періодичну пресу. Преса представлена газетою «Красное Запорожье», друкованим органом Запорізького губвиконкому і губкому КП(б)У. Архівні матеріали — перш за все документами Запорізької міської Ради робітничих, селянських і червоноармійських депутатів, що висвітлюють діяльність комунальної секції, а також документами Запорізького окружного (до липня 1923 р. — повітового) виконавчого комітету Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів щодо відділу та інспектури охорони здоров'я (окрздоров) та відділу комунального господарства (окрккомунгосп, з 1925/26 — окрмісцгосп). Залучення даних джерел дозволяє розглядати подальші події детальніше, враховуючи різні аспекти, що впливали на санітарно-епідеміологічний стан міста.

Також початок 1922 р. вважається часом створення української державної санітарно-епідеміологічної служби: у лютому 1922 р. у всіх губерніях та великих містах створено санепідвідділи при повітових відділах охорони здоров'я. На них покладалася боротьба з епідеміями і соціальними хворобами, охорона здоров'я дітей, розвиток санітарії, санітарна статистика і санітарна просвіта. 1 червня 1923 р. Раднарком УРСР прийняв Постанову «Про санітарні органи республіки», що остаточно закріпила статус санітарно-епідеміологічної служби [9, с. 10]. На жаль, мало що відомо про перші кроки санепідслужби у Запоріжжі, проте, знаємо,